

И. И. Лециловская
(Москва)

Культура хорватского народа XVII в.

XVII век был едва ли не самым тяжелым периодом в истории хорватского народа эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

Некогда величественное Триединое королевство (официальное название со второй половины XVI в. королевств Хорватии, Славонии и Далмации), простиравшееся от Дравы до Адриатического моря, представляло государственные развалины. С XV в. континентальная Хорватия испытывала нараставший вал турецких нападений. В 1493 г. хорватские войска потерпели на Крбавско поле (близ Удбины) тяжелое поражение от турок, после которого Хорватия лишилась сил для серьезного сопротивления. В результате турки заняли всю Славонию и часть Хорватии вдоль реки Дравы, территорию между реками Савой и Уной.

В 1526 г. после победы 300-тысячной армии турок над хорватско-венгерскими войсками в 25 тыс. человек при Мохаче на Дунае Хорватия как часть Венгерского королевства признала власть Габсбургов. Представлявшая в глазах современников «остатки остатков славных королевств Хорватии и Славонии» Хорватия находилась в состоянии прифронтовой зоны, принимая на себя волны турецких вторжений.

Вхождение Банской Хорватии в состав государства Габсбургов имело для нее противоречивые последствия. С одной стороны, объединенными силами было легче противостоять турецкому нашествию, с другой — это сказалось на ее территориальной целостности и статусе.

В XVI в. на австро-турецком пограничье, на территории Хорватии началось формирование Военной Границы — милитаризованной зоны как барьера на пути турецкого продвижения на запад. Габсбурги постепенно изымали Границу из юрисдикции хорватского сабора и бана, укрепляя свою власть на этой земле. В 1578 г. был основан Дворцовый военный совет в Граце, которому была подчинена основная часть Хорватской Границы. Это означало дальнейшее урезание хорватских «остатков».

В 1627 г. Военная Граница была организована как особая австрийская территория. Военное командование здесь было немецким. Этот комплекс расширился за счет областей в бассейне Дуная в ходе их освобождения от власти турок.

В то же время формирование австрийского абсолютизма сопровождалось его давлением на политические права хорватской аристократии и дворянства, выражавшиеся в автономном статусе королевства Хорватии.

Положение Хорватии на переднем крае борьбы с османской агрессией, разрушительные последствия турецких вторжений, эмиграция хорватов из

родных мест в соседние, более спокойные края, утрата привычных торговых связей — все это обусловило долговременный застой ее хозяйства.

Далмация, находившаяся с XV в. под властью Венеции, стала объектом столкновения интересов Османской империи и Республики Св. Марка. Ее континентальная часть почти вся была занята турками, за исключением узкой прибрежной полосы. Дубровник, в свою очередь, признал в XV в. верховную власть султана, выражением чего стала ежегодная дань Порте. Но он сохранил относительную политическую самостоятельность, никогда не входил в состав Османской империи, продолжая вести прибыльную посредническую торговлю по всему бассейну Средиземноморья.

В XVII в. Далмация и Дубровник пережили исторические события и природные явления, имевшие разрушительные последствия. В течение четверти века (1645–1669) Далмация и Бока Которская подвергались опустошению в ходе кровопролитной венецианско-турецкой войны, получившей название Кандийской войны по городу Кандии — столицы острова Крит. Ситуация усугублялась торговой политикой Венеции в ущерб далматинским приморским городам. На этом фоне в 1649 г. Далмацию охватили страшная эпидемия чумы, пришедшая из Османской империи, а затем и голод. Дубровник пережил в 1667 г. мощное землетрясение, за ним последовал пожар, продолжавшийся 20 суток. В результате катастрофы «славянские Афины», средоточие хорватских муз и умов Возрождения, лежали в руинах. Восстановление города проходило тяжело и медленно. Оно затруднялось и перемещением мировых торговых путей в Атлантику, и конкуренцией Венеции.

Катастрофа у Мохача в 1526 г. и падение Клиса в Далмации в 1537 г. открыли период тяжелейшего кризиса в жизни хорватского народа. С турецкой агрессией перед хорватами встала первоочередная задача освобождения и собирания отторгнутых у них земель. С течением времени она преобразится в стратегическую перспективу соединения в целое хорватского народа.

Разделение территории проживания хорватов между разными государствами усугубляло слабость хозяйственных связей между севером и югом, культурную изолированность Хорватии и Далмации друг от друга, группировку интересов по провинциям.

И все же на фоне невзгод в положении хорватов появились первые проблески надежды. В 1593 г. боснийский санджак-бег Хасан-паша вступил в решительную схватку за крепость Сисак, последний укрепленный пункт перед Загребом*. Однако турки были вынуждены отступить

* В Средневековье на месте современного Загреба существовали свободный королевский город Градец, церковная собственность Капитул и предместья. В 1850 г. они были объединены в целостный городской организм — Загреб. В литературе это название употребляется и для более раннего времени, прежде всего применительно к Градцу.

под натиском войск, которыми командовали хорватский бан и австрийские генералы. И сам Хасан-паша утонул при бегстве в реке Купе. С последовавшей затем австро-турецкой войной, завершившейся в 1606 г. Житванским миром, сложилось хрупкое равновесие сил между Австрийской монархией и Турцией. Хорватско-боснийская граница на целое столетие установилась по нижнему течению Купы. Военные действия переместились в сторону Венгрии. Победа хорватов под Сисаком положила начало освобождению хорватских земель от власти турок.

Крупным событием стало сокрушительное поражение турок в 1683 г. под Веной от объединенных австро-польских войск под командованием польского короля Яна Собеского. В свою очередь и хорваты постепенно начали очищать свою землю от агрессоров, освободив территорию вдоль рек Дравы, Савы, Купы, Уны, Крки. На опустошенные земли стали прибывать южнославянские переселенцы с Балкан.

В конце XVII в. произошел поворот в международной обстановке в Центральной Европе. Война 1683–1699 гг. Священной лиги — коалиции в составе Австрийской монархии, Венецианской республики, Речи Посполитой и с 1686 г. России — против Турции показала способность христианских государств мериться силами с Османской империей. Поражение в этой войне стало началом заката ее мощи. Мирный конгресс 1699 г. в городе Сремски-Карловци лишил Турцию значительной территории в Подунавье — Славонии, части Срема и Бачки.

Центральным событием внутренней истории Хорватии в XVII в. был антигабсбургский заговор аристократии во главе с графами Николой (1620–1664) и Петаром (1621–1671) Зринскими и князем Франом Крсто Франкопаном (ок. 1643 — 1671).

Знатные роды Зринских и Франкопанов были крупнейшими среди хорватской магнатории. Основу их политического веса составляли обширные владения, простиравшиеся от реки Муры до Адриатического моря. Зринские происходили из Далмации (князя Шубичи-Брибирские). Они собственными силами активно боролись против турецкого нашествия. В течение двух столетий (до 1670 г.) члены этой семьи предприняли 50 крупных военных акций против турок¹. Зринские были неизменными носителями банского достоинства.

В XVI в. воинскими подвигами прославился Никола Зринский, хорватский бан, затем воевода в Венгрии на правом берегу Дуная. В 1566 г. он возглавил славную оборону крепости Сигет в Венгрии (теперь город на севере Румынии на реке Тиссе). Сулейман II Великолепный со 100-тысячной армией, подкреплённой мощной артиллерией, предпринял 13-й поход на север. Но у Сигета, который прикрывал путь на Буду, он встретил отчаянное сопротивление хорватско-венгерского гарнизона численностью в 2300 человек. Город был сожжен, защитники его погибли, вклю-

чая самого Николу Зринского. Месячная осада крепости стоила жизни 25–30 тыс. турок. Под ее стенами смерть застала и Сулеймана II. Героическая защита Сигета произвела сильное впечатление на современников и получила отражение в хорватской литературе. А Никола Зринский стал символом хорватского патриотического сопротивления².

Правнук героя Сигета, также Никола Зринский, получил гуманитарное образование в Граце и Трнаве. В 1647 г. он был назначен баном (официальное возведение в должность состоялось в 1649 г.). Сторонник активной политики в отношении Турции, он напористо действовал в войне 1663–1664 гг. в южной Венгрии и Меджимурье. Однако Вашварский мирный договор 1664 г., означавший необоснованные уступки Порте, убедил его в нежелании австрийского монарха Леопольда I вести наступательную политику на востоке. В 1650–1670-х гг. восточное направление действительно оставалось для Габсбургов второстепенным. Их внимание было сосредоточено тогда на борьбе с Францией за влияние в Западной Европе. Никола Зринский погиб во время охоты в результате нападения на него дикого вепря³.

Николу Зринского сменил на посту хорватского бана в 1665 г. его брат Петар (инсталляция состоялась в 1668 г.). Петар был также сильной личностью. И он отличился в войне 1663–1664 гг. Его части нанесли поражение боснийскому войску под Оточацем.

Заговор хорватских и венгерских аристократов против господства Австрии продолжался в течение 1664–1670 гг. В Венгрии, которая испытывала более жесткое давление со стороны Габсбургов, нежели Хорватия, его социальная база была несравненно шире. С хорватской стороны заговор был вызван опасениями за автономию Хорватии перед лицом габсбургского абсолютизма, вялостью политики венского двора в отношении Турции, стремлением Габсбургов вычленив формировавшуюся Военную Границу из состава Хорватии, бесчинствами австрийской военщины на этой территории.

Заговорщики рассчитывали на помощь Франции, обещая за военную и денежную помощь в войне против Турции избрание Людовика XIV венгерско-хорватским королем. Однако, заключив в 1668 г. тайное соглашение с Веной о разделе наследства испанской ветви Габсбургов в связи со смертью короля, версальский двор прекратил отношения с ними. Тщетно Петар Зринский пытался найти опору в Речи Посполитой или Венеции. После этого заговорщики предприняли неожиданный и рискованный шаг. Бан Петар Зринский через своего посланца вступил в контакт с турками. Он соглашался за помощь Стамбула подчинить Хорватию и Венгрию верховной власти султана и выплачивать ежегодно 12 000 талеров в качестве дани при условии сохранения в Венгрии и Хорватии существующих порядков и признания Петара и его потомков

верховными правителями в них. Это означало вассальное положение Хорватии и Венгрии в составе Османской империи, подобное статусу Трансильвании.

Турки сделали вид, что заинтересовались этим предложением. Петар Зринский и Франкопан приступили к подготовке восстания. Тем временем против заговорщиков были двинуты австрийские войска, которые быстро заняли владения Зринского. Бан и Франкопан поняли, что помощь из Стамбула не придет, и, поверив обещаниям двора о помиловании, отправились с повинной в Вену. Здесь они были вероломно схвачены, брошены в тюрьму и в 1671 г. казнены, как и несколько венгерских магнатов. Их огромные земельные владения были конфискованы, частично разграблены, а семьи уничтожены.

Заговор носил сложный хорватско-венгерский характер, за шесть лет прошел разные фазы, меняя свое содержание. В хорватской части он преследовал цель защиты прав и привилегий местного дворянства, а тем самым самостоятельного политического статуса сословной Хорватии. Это была первая акция противодействия абсолютистским тенденциям Габсбургов в отношении Хорватии и Венгрии⁴. Трагический конец самых богатых и влиятельных хорватских родов имел тяжелые последствия для Хорватии, ослабив на долгое время местные политические силы для сопротивления австрийскому абсолютизму, а также для созидательной деятельности в самой Хорватии. Гибель Зринских и Франкопанов означала большой урон для хорватской культуры, и потому что они сами были творческими личностями, и потому что выступали меценатами.

В XVII в. сложные условия жизни хорватского народа — экономический упадок Хорватии и Далмации, постоянная угроза со стороны агрессивной исламской Турции, утрата в результате захвата турками целых областей, давление Австрии и Венеции, наконец, переходившее из века в век духовное разъединение хорватов по провинциям — все это затрудняло развитие хорватской культуры, рождало проблемы и противоречия, решение которых растянулось на последующие века.

Принципиальным обстоятельством развития культуры хорватского этноса в рассматриваемое время было отсутствие у него единого литературно-языкового пространства. И это выражалось не только в бытовании у хорватов разных европейских языков (в Далмации — латинского и итальянского, в Хорватии — латинского, немецкого и в начальной стадии венгерского), но, главное, в существовании разных литературных языков на народно-разговорной основе.

У хорватов были три основных речевых диалекта, получивших названия по произношению местоимения «что» (кай, што и ча), — кайкавский, штокавский и чакавский. На кайкавском диалекте говорило население северо-западной Хорватии. Чакавский диалект господствовал в

Приморье и Далмации. Наиболее распространенным был штокавский диалект, которым пользовались жители в междуречье Савы и Дравы (Славонии), Дубровника, а также все сербы.

Утверждение названных диалектов в хорватской письменности общественного значения началось в позднее Средневековье и продолжалось в раннее Новое время. В северной Адриатике преобладающим языковым слоем поэзии Возрождения стал народный язык — чакавский диалект. Им пользовались в литературных кругах Сплита, Задара, острова Хвар, а также Дубровника. В эпоху Возрождения чакавский диалект в литературе достиг вершины своего развития, но затем началось его постепенное ослабление.

В литературе Дубровника в конечном итоге возобладал штокавский диалект. Он достиг высокой степени совершенства в сочинениях Ив. Гундулича и И. Джурджевича⁵.

Истоки кайкавской письменности восходили к старым глаголическим религиозным текстам и отдельным средневековым повествованиям.

Первые опыты литературного творчества на кайкавском диалекте относились к середине XVI в. и были связаны с замком Озаль в бытность пребывания там Зринских и их круга, сочувствовавших протестантизму («озальский круг»). Первой печатной книгой на кайкавском диалекте стал «Декретум» Ивана Пергошича (?–1592), секретаря городского и жупанийского (областного) управления в Вараждине. Это был сборник правовых текстов, переведенных с латинского и венгерского языков из книги «Трипартитум» (1517) венгерского законодателя и политика И. Вербёци. Его феодальный свод законов оставался в силе до середины XIX в. Пергошич посвятил свой труд графу Юраю Зринскому, сыну Николы Зринского Сигетского. «Декретум» был напечатан в 1574 г. в имении Ю. Зринского Неделишче в передвижной типографии. Через несколько лет, в 1578 г., в Любляне вышло историческое сочинение священника Антуна Вrameца (1538–1587) «Хроника», в котором были изложены события всеобщей и хорватской истории от сотворения мира до 1578 г. Эти книги имели светское содержание, а их кайкавский диалект включал в той или иной мере и штокавские элементы⁶. Старая кайкавская литература просуществовала в Хорватии до середины XIX в.

Особенностью культурной ситуации в Приморье, северной и средней Далмации было сохранение здесь средневековой глаголической традиции, которая, однако, с XVI в. отошла на периферию культурной жизни. Носителями письменности на глаголице и церковнославянском языке с примесью местных разговорных элементов были в основном священники — глаголяши. Она существовала преимущественно в церковной сфере. Но Зринские, Франкопаны и другие аристократы поддерживали глаголяшей, их церкви и монастыри как исконно хорватское яв-

ление. В частной переписке они и сами пользовались иногда глаголической письменностью⁷.

Разность письменных языков на народно-разговорной основе сказывалась на всем духовном строе хорватов, их самосознании, далеко выходя за рамки литературы.

Хорваты на севере и на юге в силу политических обстоятельств соприкасались с разными иноземными культурами и испытывали неодинаковые влияния: северные хорваты — преимущественно австрийское и венгерское, адриатические — итальянское.

Если Далмация и Дубровник оказались в XV в. в лоне итальянского Возрождения, то северную Хорватию коснулась своим крылом Реформация. Это было сложное движение, вызванное в целом ростом городов в Европе и направленное против католической церкви как средневекового учреждения и его идеологии. Но это не значит, что дворянство не было затронуто Реформацией. В Венгрии оно частично оказалось втянутым в это движение, рассчитывая решить с его помощью свои проблемы. В Хорватии же в нем участвовали лишь отдельные дворяне. Большинство господствующего сословия, материально и численно ослабленного, ожидало от Габсбургов поддержки в противостоянии туркам.

В XVI в. Реформация в хорватской среде получила распространение через словенские земли, Венгрию и Венецию главным образом в Истрии, хорватском Приморье, Военной Границе, Меджимурье, а также в части Славонии, находившейся под властью Турции. Порта по политическим мотивам не препятствовала распространению Реформации. Протестантизмом были захвачены города Карловац и Вараждин. К нему склонялись сыновья Николы Зринского Сигетского Никола и Юрай. Но все же позиции Реформации в Хорватии были слабыми, и она вскоре была задушена.

Тридентский собор католической церкви (с 1545 с перерывами до 1563 г.) заложил программу Контрреформации — реставрации и реформирования римской церкви с целью восстановления ее поколебленного авторитета. На этом соборе был впервые сформулирован принцип непогрешимости папы в делах вероучения, что упрочило идеологические позиции католической церкви. В 1604 г. хорватский сабор постановил (в 1609 г. австрийский монарх санкционировал), что в королевствах Хорватии и Славонии признается только католицизм. В Загребе (1606), Вараждине, Риеке появились иезуиты — воинствующий полумонашеский орден, главный проводник Контрреформации. Вместе с тем широкое наступление Контрреформации на территории проживания хорватов сопровождалось усилением общего влияния Европы на культуру хорватского народа, влияния неоднозначного и противоречивого.

Сложность политического положения раздробленного хорватского народа, разнородность внешнего культурного воздействия обусловили

существенные особенности общественно-политической мысли хорватов в разных землях. Но были и общие черты их интеллектуальной жизни.

«Турецкий страх» оживил сознание общности славян. Гуманистическое мышление вызвало интерес к прошлому своего народа и потребность понимания его места в славянском мире. Раньше всего это проявилось в Далмации и Дубровнике. Первым среди гуманистов писал о едином «славянском царстве» неолатинский поэт Илия Цриевич (Цервин) (1463–1520). Оно простиралось, в представлении дубровчанина, от Иллирии до Балтийского и Черного морей, вплоть до Московии⁸.

В 1525 г. свои взгляды на славянство высказал доминиканец, профессор теологии Винко Прибоевич. Он происходил из горожан острова Хвар. Город-коммуна занимал очень выгодное географическое положение и имел удобную гавань, куда заходили все суда, следовавшие в Венецию или возвращавшиеся из нее. Благодаря развитой торговле и судоходству Хвар стал самой богатой коммуной венецианской Далмации. Он был важным центром хорватского гуманизма и культуры в целом.

Прибоевич получил высшее образование в Италии и Польше. Находясь под влиянием итальянской и польской исторической и публицистической мысли своего времени, он выступил перед согражданами Хвара с докладом на латинском языке «О происхождении и успехах славян». В 1532 г. доклад был издан в Венеции, а в 1595 г. вышел его перевод на итальянский язык.

Прибоевич высказал идею широкой славянской общности, к которой принадлежали хорваты и остальные южные славяне. Он рассматривал последних как автохтонное население Далмации. Автор причислял к славянам Александра Македонского, Аристотеля, Св. Иеронима и многих других лиц, которые получили известность благодаря своей учености, храбрости, военному искусству. Все это служило мыслителю обоснованием не только многочисленности, но силы и исторической роли славянства. Давая географическое описание и краткую историю своего края, он возвеличивал прошлое, экономическую и культурную значимость Далмации и родного Хвара. Прибоевич стал предтечей многих знаменитых носителей славянского сознания у южных славян.

Литература Дубровника подхватила мысль о славянской общности, которая позволяла преодолеть чувство незначительности крошечного вассального государства и придать ему вес и ценность как составной части огромного славянского мира.

В первой четверти XVI в. Лудовик Цриевич (Церва) — Туберон (ум. в 1526 г.), получивший образование в Париже, дубровницкий патриций, аббат бенедиктинского монастыря, написал на латинском языке исторический труд с охватом событий от кончины короля Венгерского королевства Матьяша Хуняди (Матвея Корвина) в 1490 г. до смерти рим-

ского папы Льва X в 1522 г. Частично он был опубликован во Флоренции в 1590 г., после смерти автора, а полностью вышел во Франкфурте на Майне в 1603 г. Книга получила европейскую известность под названием «Комментарии», но в 1734 г. была запрещена Римской курией за критику верхов католической церкви.

Церва-Туберон с его независимостью суждений высказал мысль о «русской» прародине всех славян — некоей древней Скифии или Сарматии. Он утверждал, что славяне являлись потомками «русских» и готов. Около 600 г. они вторглись в Иллирию, вместе с ними пришли и болгары, занявшие восточную часть Балкан. Язык, употреблявшийся в Иллирии, по оценке автора, почти во всем схож с «русским». В свободном полете мысли Туберон видел «русские» корни в образовании чешского и польского государств⁹.

Теория языкового и этнического родства славян была поддержана Фаустом Враничем из Шибеника, разносторонне образованным гуманистом. В 1595 г. в Венеции он издал многоязычный латинско-итальянско-немецко-далматинско-венгерский словарь, в котором развил положение о близости языка, употреблявшегося в Иллирии, с «русским»¹⁰.

С конца XVI в. идея целостности славян вошла в пропаганду Контрреформации, программа которой предусматривала объединение Восточной и Западной христианских церквей во главе с римским папой. В 1596 г. Брестской унией было создано христианское греко-католическое объединение, подчиненное Римской курии, — униатская церковь. Она оставляла православным их богослужение и его язык.

Однако в те годы не только сугубо церковная мотивация побуждала Римскую курию стремиться к сближению славян между собой, но и потребность совместного противостояния туркам. Все это под эгидой католической церкви.

Идейные установки Контрреформации как нельзя лучше отвечали интересам Загребской епископии в связи с так называемым «влашским вопросом». Влахами назывались православные переселенцы (сербы), бежавшие из Османской империи в Хорватию. Военные власти размещали их на австро-турецком пограничье, на заброшенных землях, подлежащих юрисдикции Загребской епископии. В 1630 г. австрийский монарх Фердинанд II издал диплом, вошедший в историю под названием «Влашского статута». Этот акт изымал владов из-под власти хорватского сабора и бана, способствуя тем самым обособлению Военной Границы от Хорватии. Но вопрос о вероисповедании владов остался открытым. В Далмации, в свою очередь, государственные власти оказывали давление на православное население с целью подчинить его католической иерархии и привести к унии¹¹.

Контрреформация в определенной мере укрепляла хорватских мыслителей в сознании общности славян и в желании уяснить место Далма-

ции и Хорватии в целостной славянской истории. Но «славянская идея» становилась орудием разных церковных и политических интересов, а также культурной ориентации.

Каноник из Шибеника Томко Мрнавич выразил интеграционное сознание в терминологии. В 1603 г. в сочинении на латинском языке «Об Иллирике и иллирийских императорах» он впервые ввел понятие «иллирийское» для обозначения населения на территории от Дравы до Адриатического моря в историческом обозрении¹².

В рассматриваемое время интеграционному славянскому сознанию в хорватской интеллектуальной среде трудно дать однозначную оценку. Оно включало плодотворное понимание родства славян, особой близости между собой южных славян, принадлежность хорватов к многочисленному славянскому миру. Но одновременно во многих случаях на него накладывались далекоидущие виды Контрреформации. Грань между славянством хорватского патриотизма и наступлением на православие католицизма провести не всегда возможно.

В XVII в. хорватская художественная культура, хотя в отдельных землях с разной интенсивностью, приобщалась к барокко, проявляя тем самым себя в общеевропейском русле культурного развития. Освоение барочной эстетики объяснялось изменениями духовных потребностей общества — желанием глубже понять окружающий мир и самого человека. Философия и эстетика барокко, при всей их разности в отдельных культурах и социальных слоях, открывали эту возможность, понимая жизнь, в отличие от гармоничной и жизнерадостной парадигмы Возрождения, в ее сложности, многообразии и изменчивости и преодолевая прямолинейную трактовку гуманистами человека под знаком абсолютизации его физического и духовного совершенства.

Вместе с тем на идейном облике барокко в Западной Европе, откуда шло его распространение на Восток, оказала влияние и Римская курия. Она внесла в него идеи бренности, быстротечности и иллюзорности земной жизни, страданий и вечного покаяния человека. В таком виде католическая церковь сыграла значительную роль в утверждении в искусстве барокко как одного из главных стилевых направлений.

Деятельность иезуитов была направлена на разжигание пламенного религиозного чувства у верующих, доведения их до экстаза живыми картинами страстей и мучений Христа. Эстетика барокко позволяла решить эти задачи, давая возможность представить источником религиозных переживаний божественную плоть. А барочная пышность католического культа утверждала веру в торжество поколебленного Реформацией католицизма.

В культуре хорватов, как и ранее, доминировали Дубровник и Далмация, чему способствовала близость итальянской культуры. В респуб-

лике Св. Влаха, проводившей тонкую политику в отношении султаната, до катастрофы 1667 г. продолжалась активная творческая жизнь. В то же время ослабление североадриатических городов отрицательно сказывалось на состоянии культуры в Далмации.

Одним из наиболее характерных проявлений гуманистической деятельности были исторические исследования.

Новый век открыл своим творчеством бенедиктинец из Дубровника Мавро Орбин (середина XVI в. — Дубровник, 1611). В 1601 г. в Пезаре вышла его книга на итальянском языке, получившая известность как «Славянское царство». Это была первая попытка дать историю южных славян в Средние века.

М. Орбин стоял на позиции целостности славян, их автохтонности в Юго-Восточной Европе. Автор впервые рассматривал историю южных славян как неразрывную часть прошлого «царства славян». При этом он причислял к славянам и некоторые германские народы. Его книга была проникнута восхвалением славян, особенно южных. Для доказательства своих утверждений Орбин привлек около 280 авторов, архивные материалы и устные предания. При всей предвзятости замысла, отсутствии критической оценки источников книга Орбина в плане развития хорватской исторической мысли имела несомненные достоинства привлечением заслуживающего внимания фактического материала, особенно по истории Дубровника и соседних с ним земель, османских завоеваний на Балканах. Труд имел ценное приложение — итальянский перевод средневекового источника «Летописи попа Дуклянина» (середина XII в.).

В 1722 г. в переводе Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, серба-дубровчанина, переехавшего в начале века в Россию и ставшего ближайшим сподвижником Петра I, сочинение Орбина вышло в Петербурге под названием «Книга историография». Труд Орбина в оригинале и русской версии получил широкий резонанс на славянском юге, оказав влияние на формирование общеславянского сознания и развитие исторической мысли у хорватов и сербов вплоть до середины XIX в.¹³

Почти одновременно с книгой Орбина появились исторические сочинения Динко Заворовича из Шибеника (ок. 1540 — 1608). Он принадлежал к известной дворянской семье, окончил по традиции университет в Падуе по праву. Заворович активно участвовал в городской жизни, занимая разные должности. В 1580-х гг. он жил в Хорватии и Венгрии, участвовал в пограничных столкновениях с турками. За военные заслуги Заворович получил хорвато-венгерское дворянство. По возвращении в Шибеник он написал на латинском языке историю родного города (1597), а затем историю Далмации (1602), доведя ее до 1437 г. Автор, помимо литературы, привлек письменные источники, документы, городские акты. Однако ему не хватало критичности в работе с ними. Тем не менее со-

чинения Заворовича остались первыми у хорватов книгами, в которых была изложена систематизированная история Шибеника и Далмации, а также Хорватии.

Основы хорватской исторической науки Нового времени заложил Иван Лучич (Луич) из Трогира (1604 — Рим, 1679). Он получил университетское образование в Риме и Падуе, изучал право. Как патриций Лучич по возвращении в 1625 г. в Трогир участвовал в управлении городом. Тогда же он начал собирать материал для исторического труда, привлекая к этому делу большое число соратников из разных далматинских городов. Для сбора источников Лучич сам отправился в 1654 г. в Рим, где вращался в кругу интеллектуалов. Здесь на рубеже 1661–1662 гг. он закончил свое исследование.

Основной труд Лучича в шести томах «О королевстве Далмации и Хорватии» (Амстердам, 1666, 1667, 1668), написанный, как и все сочинения автора, на латинском языке, преследовал политическую цель — обосновать право Венеции на ранг королевства даже в случае потери ею Крита (шла Кандийская война). Но несмотря на прагматическую заданность, труд Лучича благодаря драгоценным материалам и новому критическому методу исследования стал научным вкладом в изучение прошлого хорватского народа.

Автор охватил понятием «Хорватия» территорию от Дравы до Адриатического моря, но фактически ограничился изучением истории южных земель с античных времен до 1480 г., времени утверждения власти Венеции в северной Адриатике. Он добросовестно изучил и впервые критически осмыслил многочисленные источники, опубликовав немало документов, важных летописей и хроник, в том числе «Историю» архидьякона Фомы Сплитского (1266) и «Летопись попа Дуклянина». Лучич привлек архивные материалы из разных областей, включая Хорватию. Историк составил шесть историко-географических карт. Ему принадлежали и другие работы. В 1673 г. вышла его история Трогира до середины XV в. Лучич заложил солидную и надежную фактологическую основу исторических знаний о хорватском Средневековье. По методу исследования он был на уровне современной ему европейской исторической науки¹⁴.

В 1604 г. была создана первая грамматика «иллирийского» языка, написанная по образцу латинских грамматик того времени. Ее автором был иезуит Бартол Кашич. Еще в конце XV в. в Дубровнике появились первые сочинения на штокавском диалекте. Вскоре католическая церковь стала издавать книги для простого народа в духе Контрреформации на этом диалекте как наиболее распространенном в тех краях (первое сочинение латиницей вышло в 1582 г., кириллицей — в 1583 г.). Иезуиты писали на штокавщине. По их заказу и была составлена Кашичем грамматика боснийского штокавского диалекта. Хотя ее появление было связа-

но с церковными интересами, она знаменовала собой зарождение у хорватов языкознания.

Опыт Кашича получил развитие в работе итальянского иезуита лексикографа Якова Микальи. В 1649–1651 гг. вышел его хорватско-итальянско-латинский словарь «*Blago jezika slovinskoga*»*. Лексический фонд в словаре состоял из чакавских и штокавских слов. Он был снабжен небольшой грамматикой, написанной на основе работы Кашича. Сам Микалья отдавал предпочтение «боснийскому языку», т. е. штокавскому диалекту.

Жили в Дубровнике и городах Далмации в то время интеллектуалы с научным образом мышления. Для них была характерна комплексность научных интересов. По традиции молодые хорваты получали университетское образование в Падуе. Обычным делом для состоятельных горожан было посещение Италии, хорватские интеллектуалы, случалось, надолго задерживались в итальянских культурных центрах. В свою очередь, итальянские ученые-гуманисты посещали Далмацию и Дубровник. Так научная информация переносилась в хорватскую образованную среду.

Хорватские интеллектуалы трудились также за пределами своей родины, в первую очередь в соседних странах, особенно в Италии.

Известным в свое время математиком был Марин Геталдич (1568–1626), вернувшийся в начале XVII в. после многих лет пребывания за границей в свой родной Дубровник. Его работы по геометрии, привлечшие внимание современников, продвинули развитие математики.

Пытливый ум вышеупомянутого Фауста Вранчича (1551–1617) охватывал физику, математику, инженерное дело, философию, историю, лингвистику. Уроженец Шибеника, он получил образование в университете в Падуе, жил в Риме и Венеции. Помимо лексикографического труда, Вранчич выпустил ряд ученых книг по логике и этике. В сочинении «Новые машины» (Венеция, 1595; 2-е издание ок. 1615 — 1616) автор на пяти языках описал 49 разных эскизов и проектов, в том числе свои изобретения. Среди них были проекты моста с гаванью, мельницы на приливе и отливе и, главное, парашюта, который изобретатель на практике испытал, прыгая с башен и утесов в Венгрии и Италии¹⁵.

Научные поиски интеллектуалов в Дубровнике и Далмации были необходимым звеном в процессе развития научных знаний у хорватов как важного условия исторического прогресса.

Характер и состояние хорватской художественной культуры в Дубровнике и Далмации определялись условиями жизни хорватов и влиянием общеевропейской культурной ситуации.

* В литературе XVII в. понятия «словинцы» или «словенцы» нередко означали население Хорватии, понятие «словинский (словенский) язык» относилось к хорватскому языку, но могло означать и «славянский язык». См.: Hrvatski kajkavski pisci. I. Druga polovina 16. stoljeća. Zagreb, 1977. S. 343.

В XVII в. развитие далматинско-дубровницкой литературы протекало под знаком постепенного угасания Возрождения с его просветленным духом и ощущением радости жизни и нарастанием барокко с присущей ему тревогой, надломом, утратой естественности, тягой к экспрессии. В переходное время общеевропейские черты, прежде всего итальянской литературы, сочетались с продолжением местной традиции — привычными темами, образами и лексикой. Новая же идейно-художественная тенденция имела особенности, проистекавшие из хорватских условий жизни.

В рассматриваемое время в далматинско-дубровницкой литературе было разноязычие. В творчестве многих авторов сохранял свои позиции чистый, блестящий латинский язык. На протяжении всего столетия поддерживалась также практика писания на итальянском языке. Это была языковая сфера научных трудов, исторических сочинений, писем, в то время как поэзия и театральные пьесы создавались на родном языке. Но уже с середины XVI в. в Дубровнике и Далмации начало преобладать творчество на штокавском и чакавском диалектах¹⁶. В этом отразилось понимание в городах общности с окружающим сельским миром.

На начальной стадии новые тенденции в литературе проявлялись в ощущениях перемен, настроениях непостоянства мира, нарастании религиозного и морально-дидактического сочинительства. Одновременно шли поиски обогащения лексики, усовершенствования ритмики, обновления рифмы и образов. Переходный характер литературной ситуации на закате Возрождения и подходе к барокко получил выражение в той или иной форме в творчестве значительных дубровницких поэтов рубежа XVI–XVII вв. Д. Ранины и Д. Златарича. Последний отличался высокой образованностью, был видным переводчиком Софокла («Электра»), Овидия («Пирам и Тизба»), Тассо¹⁷.

В поэзию, в свою очередь, проникали общеславянские мотивы. Этим было отмечено, в частности, творчество Ю. Бараковича (1548–1628), одного из последних поэтов Возрождения и провозвестника барокко в Далмации. Священник-глаголяш из Задара, он в своем главном сочинении «Славянская вила» (1613) прославлял родной город, защищал славян и их язык от «латынян». Его стихи были близки к мотивам народной эпической поэзии¹⁸.

Высшим достижением хорватской поэтической культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени явилось творчество Ивана Франова Гундулича (Дубровник, 1589(?) — 1638). Потомок знатного рода, он рос в образованной семье. Всю жизнь Гундулич был связан с Дубровником, получил здесь образование, занимал административные должности, в 1634 г. стал сенатором, а в 1638 г. — членом Малого совета Республики. Гундулич был большим патриотом своего города.

Творчество Гундулича отразило движение дубровницкой литературы от художественных установок Возрождения к эстетике барокко. В моло-

дости поэт увлекался любовной лирикой и пасторалью. Он создал ряд пасторальных драм с античными мифологическими сюжетами — «Галатей», «Диана», «Ариадна» и др. Они были поставлены на дубровницкой сцене в вокальном и инструментальном сопровождении. В этой жанровой разновидности Гундулич не был оригинален, подражая итальянским образцам, прежде всего пасторали итальянского поэта Возрождения и барокко Торквато Тассо.

В 1620-е гг. идиллическое мировосприятие Гундулича сменилось религиозными настроениями. Он перевел псалмы («Покаянные псалмы царя Давида» — 1621), создал поэтические религиозно-дидактические сочинения «Слезы блудного сына» (Венеция, 1622), «Песнь о величии божьем». Они были проникнуты идеями аскетизма, согрешения и покаяния. Тогда же Гундулич написал патриотическую пастораль «Дубравка», которая была показана в Дубровнике в 1628 г. В ней на фоне социальных мотивов и прославления города поэт выразил чувства беспокойства и смутной тревоги. Это произведение стало философской прелюдией к главному произведению автора — эпической поэме «Осман» (1632–1637), в котором получило самое сильное выражение поэтическое творчество хорватов в XVII в.¹⁹

Замысел поэмы был навеян Гундуличу героической поэмой Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (издания 1580 г.), посвященной взятию города в 1099 г. войском Готфрида Бульонского. Импульсом к созданию монументального произведения послужило хорватскому поэту крупное военно-политическое событие — разгром турецких войск объединенными силами поляков и казаков под крепостью Хотинном летом 1621 г. Оно получило широкий резонанс в центре и на востоке Европы. Первоначальная религиозная установка Гундулича на изображение столкновения христианского и мусульманского миров, типичная для Европы после Тридентского собора, была ослаблена патриотическим антиосманским пафосом поэмы.

Эпос «Осман» имеет сложное идейное содержание. Но через всю поэму проходит излюбленный принцип философии барокко — принцип изменчивости и непостоянства мира, прихотливости судьбы. Важной мировоззренческой категорией была для Гундулича свобода. Поэт провозглашал:

Есть ли худшие невзгоды,
Хуже зла и смерти боле,
Чем остаться без свободы
И душою жить в неволе!²⁰

Многоплановой является сюжетная канва поэмы. Главной темой эпоса выступает трагическая судьба молодого султана Османа II. Она

имела историческую основу. Готовя поход в знак отмщения победителей в Хотинской битве, Осман пытался навести порядок в турецкой армии для восстановления военной и политической мощи государства. Однако его действия привели к бунту янычар и гибели султана. В широком историко-философском контексте поэмы смерть Османа представляется пророчеством краха самой Османской империи.

Поэма пронизана верой в неотвратимое падение султаната. Автор видит его предвестники в разложении турецкой армии, потери ею боеспособности, продажности военачальников, власти денег. Поэт раскрывает эти стороны жизни Стамбула в живописных картинах. Заключительные строки поэмы звучат как заклинание:

Но предвижу: сгинет к счастью
Твой закон, как наважденье,
И погибнет божьей властью
Злого дьявола ученье²¹.

Вторая идейно-тематическая линия книги также основана на историческом материале и связана с Польшей и королевичем Владиславом. Поэт с ментальностью господствующего в Дубровнике католицизма возлагает на католическую Польшу мессионистскую роль в деле сокращения Османской империи и освобождения христианских народов от власти Турции.

Гундулич представляет реальную мощь Польши в ее многочисленной рати. Он называет участников Хотинской битвы прежде всего из городов и земель, входивших во времена автора в состав Речи Посполитой. Это отряды из Литвы, Ливонии, Украины, Полоцкой земли, Смоленщины, Подляшья, Замостья, Волыни, Мазовии, а также подольцев, белорусов. «Польская рать» усилена ротами из жителей прибалтийских земель, отрядами франков, немцев, казаков²². Польша была поставлена, не без преувеличения ее возможностей, во главу христианского мира как антиосманская твердыня. Главным позитивным героем поэмы является польский королевич Владислав, «Победитель сил Востока / Под защиту Север взявший». Гундулич изображает его как главнокомандующего «польской рати» под Хотинном. Но в действительности он возглавлял половину войска, в то время как другой — командовал гетман Ходкевич. В довершение всего непосредственного участия в битве Владислав не принимал, так как был в тот момент тяжело болен²³.

Поэт воспевае́т Владислава, видя в нем олицетворение могущества и незыблемости христианства:

В нем, прославленном, таится
Мощь и сила христианства.

И далее:

Владислав обороняет
Христианство всей вселенной ²⁴.

Автор пророчит ему «сто корон златых» — престол воображаемой всехристианской державы.

Третья сюжетная линия поэмы находится в русле «вечных» мотивов человеческих судеб. Она раскрывается как через исторических персонажей, так и вымышленных лиц. Поэтическим вымыслом автора стали образы сильных женщин — девы-воина Крунославы в польском стане и воительницы Соколицы, возлюбленной Османа.

Богатство идейно-тематического содержания эпоса «Осман» названными сюжетными линиями не исчерпывается. Поэт воспекает в нем свой Дубровник, с его свободами, стабильностью и миром, выступает проповедником общественного долга и самопожертвования во имя любви.

Имеются в поэме и славянские мотивы. Говорится о тяжелом положении славян:

Там, меж пастью злой Дракона
И когтями Льва, без славы,
В рабстве чуждого закона
Все славянские державы ²⁵.

В рабстве и все соседние народы: «Зло там процветает».

Интерес поэта к славянам прочитывается в образе Орфея — мифического героя, которого Гундулич считает болгаринном, — с его песнями о славных деяниях славян. Автор выражает страдания народа, описывая тяжкую участь вымышленной сербской девушки Сунчаницы, насильно взятой в султанский гарем. Однако по месту и значимости в написанных Гундуличем песнях славянская тема уступает объединительному всехристианскому пафосу эпоса.

Хотя антитурецкая тема звучала в далматинско-дубровницкой латинской поэзии еще в XV–XVI вв. (Шижгорич, Марулич, Ветранович) ²⁶, в поэме «Осман» она получила трагический характер, сочетаясь с пониманием важности единения христиан перед лицом турок и верой в неизбежное крушение Османского государства. Написанная восьмисложным стихом поэма воплотила основные принципы барокко и особенности его проявления в хорватской литературе — проникновение в жизненные проблемы своей родины.

Гундулич обогатил жанр эпической поэмы соединением вымысла с описанием исторической действительности, придав эпике реалистические элементы. Яркое и выразительное отражение реальности достигается не в последнюю очередь благодаря привлечению народной поэзии и преданий. Поэму украшают образы античной мифологии и аллегорические картины. Широта эпического размаха, необычайная напряжен-

ность и страстность в изображении батальных сцен сочетаются в ней с выражением страданий угнетенного народа и непосредственных чувств героев. Поэма «Осман» — это симбиоз таланта, свободолюбия и чувства современности автора.

Гундулич работал над эпосом с 1622 г. и до кончины, но так и не завершил его. В нем по неизвестным причинам отсутствовали XIV и XV песни, и долгое время он оставался в рукописном виде. Дубровницкие власти, опасаясь осложнений в отношениях с Турцией ввиду антиосманской направленности поэмы, наложили запрет на ее издание. Тем не менее сочинение Гундулича пользовалось известностью в Дубровнике и за его пределами. Оно распространялось в рукописных копиях, которых насчитывалось до 80. Творение Гундулича оказалось востребованным в новую эпоху, с развитием хорватского освободительного движения. В 1826 г. поэма была напечатана в Дубровнике. А в 1844 г. она была издана в Загребе с дописанными талантливым поэтом Иваном Мажураничем XIV и XV песнями и составленным им же толковым словарем. При этом Мажуранич усилил в ней славянские мотивы, дописав о тяжелой участи славян и указав на причину их несчастий — межславянскую рознь. В таком виде эпос был воспринят современниками на славянском юге как мобилизационное послание, призыв к единению и сотрудничеству славян. В славянской тональности поэма вошла и в историю хорватской литературы. Имя Гундулича осталось в ряду наиболее выдающихся славянских поэтов прошлого.

В первой половине XVII в. видное место в культуре Дубровника занимала литературная деятельность Ивана-Дживо Бунича Вучича (1591–1658). Он принадлежал к известной нобильской семье, учился в родном городе, с молодости вел самостоятельный образ жизни. Бунич был крупным землевладельцем, при этом успешно занимался торговлей и отправлял высокие государственные должности. Он пять раз был на посту князя Республики, многократно избирался членом самых высоких республиканских органов.

Поэт испытал сильное влияние итальянской литературы барокко. Ему принадлежали сборник классических пасторалей «Пастушеские разговоры», небольшой сборник любовных стихов, получивший позднее название «Бездельничанье», и единственное напечатанное при жизни автора сочинение — поэма «Кающаяся Магдалина» (1630, 1638). Бунич был отчетливо выраженным лириком, с ясными образами, чувством музыкальности и блестящим языком. Его сборник «Бездельничанье», проникнутый наслаждением жизнью, стал образцом хорватской гармоничной барочной поэзии. В поэме, также отмеченной чертами барокко, поэт выражал любовные переживания, обращенные к небесам, но без религиозной экзальтации. Той же эстетике следовал он и в религиозных стихах, отстоявших от средневековой аскетической морали. Бунич оказал большое влияние на последующих поэтов²⁷.

В Дубровнике с его сценической традицией прославился на ниве драматургии Юние Палмотич (1607–1657). Нобиль по происхождению, он уже в 20 лет заседал в Большом совете — главном государственном органе Республики, всю жизнь отправлял различные выборные должности, был князем в местности Конавле и на острове Ластово.

Палмотич ранние стихи писал на латыни, но затем перешел на родной язык. Он был плодовитым драматургом, создал 15 мелодрам в стихотворной форме, черпая материал для них из мифологии и сочинений античных и итальянских писателей. Дубровницкий автор переносил действие на родную почву, вводил некоторые исторические лица и образы из народной поэзии. Наиболее оригинальной и известной была его драма «Павлимир» (1632), основанная на «Летописи попа Дуклянина» и старой дубровницкой легенде. Это была патриотическая пьеса об основании Дубровника. В 1632 г. она была поставлена на сцене в день Св. Влаха (3 февраля), небесного покровителя города.

Палмотич выражал в своих сочинениях преданность вере и почитание христианской морали, наполнял их любовью к свободе и родному городу, проявлял воодушевление «славянством». Он сплетал в мелодрамах разные темы и мотивы, строил их в соответствии с поэтикой барочного театра, наполненного игрой, музыкой и сценическими эффектами. Популярный в свое время писатель Палмотич сыграл важную роль в развитии дубровницкого театра, поставляя в течение 20 лет любительским труппам драмы на родном языке²⁸.

Последним крупным представителем барочной литературы Дубровника был Игнат Джурджевич (Дубровник, 1675–1737). Он происходил из нобилей, получил образование в родном городе, занимал различные должности в Республике. При посещении Рима он вступил в орден иезуитов, однако позднее покинул его. Вернувшись в Дубровник, Джурджевич примкнул к бенедиктинцам. Но вошел в конфликт с Сенатом и некоторое время жил в бенедиктинском монастыре в Италии. Свой жизненный путь дубровчанин закончил на родине.

Джурджевич писал на родном и латинском языках. Природная катастрофа и войны ушли в прошлое, дубровчане наслаждались мирным временем. Лирические стихи Джурджевича были полны ощущения гармонии, удовольствия от общения с природой. Ему принадлежала барочная поэма «Вздохи кающейся Магдалины», проникнутая больше чувством, нежели мистицизмом. Джурджевич выступал также как прозаик, занимался историей и историей литературы²⁹. Его творчество связало дубровницкую литературу XVII и XVIII вв.

Постепенное и неудержимое ослабление Венеции, связанное главным образом с перемещением основных морских путей из Средиземноморья в Атлантику в результате Великих географических открытий,

сказывалось и на ее периферийных владениях на северном побережье Адриатики. Далматинские города-коммуны, не в последнюю очередь из-за давящей торговой политики Венеции, а также под влиянием турецких завоеваний, утрачивали свое торговое значение, теряли богатство и блеск. Это получало выражение в том числе в сокращении объема и падении качества художественной деятельности в городах, в уменьшении заказов в местных мастерских. Состоятельные горожане все более удовлетворяли свои эстетические потребности венецианскими изделиями или прибегали к услугам иностранцев.

Далматинско-дубровницкая литература была тесно связана с театром. В городах северной Адриатики, как вообще в средневековой Европе, издавна разыгрывались религиозные мистерии, на городских площадях давали представления бродячие актеры, использовавшие гротеск, пантомиму, карнавальные маски. В период Возрождения в приморских городах появился светский любительский театр на литературной основе.

Зрелищная жизнь была наиболее живой в Дубровнике, где любовь к театру передавалась от поколения к поколению. Театральные представления давались обычно на Масленицу. Наиболее массовым местом постановок в городе была площадь перед Княжевым двором («Прид двором»), где собиралось наибольшее число зрителей разных сословий и достатка (именно здесь была показана «Дубравка»). До 1554 г. представления устраивались также в вечнице Княжевого двора — в зале заседаний Большого совета Республики, пышно украшенном золотом и лазурью, с роскошными сидениями. Это было место собрания нобилей, но на театральные представления допускались и простолюдины, насколько позволяли размеры зала. Наконец, спектакли проходили во время пиров, которые нобили устраивали в своих городских домах и загородных дворцах. Представления давали любительские труппы, состоявшие из молодых горожан.

На смену возрожденческой комедии XVI в. на сцене утвердилась мелодрама с музыкой, песнями и танцами, похожая на оперу. Дубровницкий театр в рассматриваемое время имел в творчестве Гундулича и Палмотича талантливую хорватскую драматургическую основу. В драмах Палмотича большое место занимали «чудеса», призванные удивить и поразить зрителей. Это был излюбленный прием в театре барокко. Видимо, использовалась при этом и техника. «Павлимир» был показан на сцене 1632 раза. Вместе с тем театр заполняли переводы, переработки, компиляции сочинений античной и итальянской литературы, сделанные безликими местными драматургами.

После землетрясения на полтора десятка лет дубровницкий театр замер. Когда же в 1682 г. группа молодых нобилей возобновила сценическую деятельность, в театр вернулась комедия. Но это были художе-

ственно слабые переработки пьес более раннего времени или переводные произведения с итальянского языка³⁰.

Предположительно в 1681 г. в Дубровнике был открыт театр в арсенале, названном Орсан. На его сцене выступали разные местные труппы, а в XVIII в. и итальянские. На острове Хваре в 1612 г. возобновились театральные представления, прекращенные в 1571 г., в надстройке обновленного арсенала. Здесь разыгрывались трагедии, комедии, мелодрамы и пасторали. В самом конце XVII в. театральное помещение появилось и в Задаре. Постоянная сцена в закрытом обустроенном зале расширила возможности театрального зрелища.

В XVII в. в изобразительном искусстве Далмации не было крупных живописцев. Талантливый художник Федерико Бенкович, родившийся в 1677 г., вероятно, в Далмации, получил образование в Венеции и Болонье. Он прожил жизнь в Венеции, Вене и Горице, где и умер в 1753 г. Бенкович обогатил своим творчеством европейскую культуру.

Местные мастера, как и работавшие в Далмации венецианские художники, исходили из венецианского опыта и не оставили оригинальных, заслуживающих внимания произведений. К этому времени угасла и самостоятельная дубровницкая школа живописи, давшая когда-то высокие образцы искусства Возрождения. Одиноким местным художникам работали изолированно, больше копировали иностранных, в основном итальянских, живописцев, и их картины общего самостоятельного направления не составляли.

Далмация, земля каменоломен, славившаяся ранее своими скульпторами и каменотесами, не дала в этом веке ни одного талантливого барочного мастера.

В стиле раннего барокко развивалась музыкальная культура хорватов, испытывавшая сильное итальянское влияние. Дубровник был ее центром. Одним из главных ее направлений была церковная музыка. В город постоянно прибывали органисты из Флоренции, Любляны, Загреб. Это были профессионалы, передававшие свое мастерство ученикам. Профессиональными музыкантами были княжеские служащие, игравшие в оркестре. Заметное место занимала в Дубровнике театральная музыка. Спектакли непременно проходили в сопровождении инструментальной музыки и пения.

Другим важным местом духовной и светской музыки был Сплит. Здесь при кафедральном соборе трудился композитор Иван Лукачич родом из Шибеника (ок. 1584 — 1648). В вокальных многоголосных произведениях он обогатил музыкальные традиции новыми тенденциями. В Сплите же Юрай Алберти создал первую в Далмации справочную книгу по теории музыки. Музыкальная культура была сосредоточена также на Хваре. Здесь музыкой были насыщены церковные мистерии³¹.

В XVII в. строительная деятельность в Далмации протекала еще под знаком турецкой опасности. Поэтому возводились новые укрепления, обновлялись существующие фортификационные системы (Задар, Сплит, Клис). На строительстве были заняты главным образом иностранные мастера, использовавшие венецианский строительный опыт, но привлекались также и местные умельцы.

Церковная и светская репрезентативная архитектура в Далмации имела богатую традицию Возрождения, которая своими насыщенностью и качеством оставалась живым образцом для заказчиков и исполнителей. Поэтому новые барочные приемы, приносимые иностранными строителями, утверждались в местной архитектуре медленно. При этом пришедшие мастера нередко копировали венецианские памятники. Так, в разных местах на территории от Ровиня (Истрия) до далматинского города Макарска варьировались колокольни, повторяющие характерные черты колокольни собора Св. Марка в Венеции.

Серьезной причиной художественной слабости местных строителей и каменотесов была ограниченность задач, которые они решали. На их долю приходилось, как правило, заказы на сооружение скромных объектов в маленьких городках и селах. В этих условиях местные мастерские ограничивались внешними элементами нового стиля — орнаментально-декоративными деталями на зданиях, которые по своей пространственной концепции продолжали строительную традицию прошлых веков (например, приходская церковь в Омише).

Тем не менее отдельные хорватские мастера создавали церковные здания высокого строительного искусства. Таким сооружением был кафедральный собор на Хваре (конец XVI — начало XVII в.). Его архитектура представляла органический синтез форм Возрождения и раннего барокко с присутствием в колокольне элементов и более ранних веков. Высокий уровень художественности показывала также колокольня церкви Св. Креста в Сплите.

Проникновение стиля барокко в архитектуру жилых домов в Далмации в условиях обеднения городов протекало на фоне сохранения традиций позднего Возрождения и готики (дворцы Cindro, Milesi в Сплите). Барокко выражалось в отдельных декоративных украшениях (окна, балконы, порталы), подчеркивающих центральную ось, в то время как сами концепции пространства были подчинены скромной функции или представляли варианты более раннего типа зданий.

В Дубровнике после катастрофы 1667 г. развернулось широкое строительство. Потребность быстрого восстановления главной городской улицы (Страдума) привела, правда, к тому, что были построены типовые скромные здания. Зато в последние десятилетия XVII в. в городе началось строительство трех церквей в стиле высокого и позднего римского барокко³².

Загадкой истории хорватской культуры в Далмации была ситуация, при которой материальный достаток городов-коммун, высокая образованность их интеллектуальной элиты, блестящее Возрождение уживались с отсутствием в провинции общедоступных школ. Только на Хваре действовала городская школа. На пути развития среднего образования в Далмации стояла Венеция. Даже в XVIII в. власти Республики Св. Марка отказывались дать разрешение на создание среднего учебного заведения в провинции, например в Сплите. Деятельность церкви на ниве образования, в свою очередь, не оставила заметного следа.

В Дубровнике существовала латинская школа. В 1557 г. был составлен школьный статут. Городские власти регулярно приглашали для работы в школе преподавателей из Италии. Но в связи с землетрясением она прекратила существование. В 1684 г. иезуиты открыли в Дубровнике коллегию, которая имела три разряда и трех преподавателей.

Ввиду социальных условий, но также из-за отсутствия школьного образования в Далмации лишь немногие молодые хорваты из богатых семей могли учиться в университетах Италии, в иезуитских коллегиях Рима, Болоньи и Лоретты. Дубровницкие власти иногда выделяли для этого стипендии.

Еще в XVI в. в период расцвета духовной жизни в Дубровнике и Далмации у местных интеллектуалов появилась тяга к творческому общению, обмену опытом, взглядами. Эта тенденция получила выражение в образовании академий — обществ писателей и ученых с целью развития литературы и науки. Внимание их членов сосредоточивалось на гуманитарных знаниях, в то время как естественно-научные вопросы оставались вне поля зрения.

Со второй половины XVI в. в Дубровнике действовало общество интеллектуалов «Академия согласных». Оно было создано по образцу итальянских академий. Здесь встречались представители образованной элиты, в том числе поэт Д. Раньина, ученый Н. Гучетич, писавший на итальянском языке в духе Платона философские работы. По всей видимости, участники академии обсуждали и комментировали создававшиеся ими сочинения.

Около 1695 г. дубровницкие интеллектуалы объединились в «Академию праздных» по примеру римской академии «Аркадия». Задачами этого общества были подготовка латинско-хорватско-итальянского словаря, чтение поэтических сочинений, обсуждение вопросов культуры. В него входило большое число образованных дубровчан, особенно нобилей и священников. Действовали академии также в Задаре. Так удовлетворялась потребность в общественной оценке творчества³³.

Хорватские интеллектуалы участвовали также в работе итальянских обществ, объединений соотечественников за границей. И. Лучич был

членом и некоторое время председателем хорватского общества интеллектуалов в Риме, названного в честь Св. Иеронима.

Хорватская культура в городах-коммунах Далмации и Дубровнике испытывала мощное энергетическое излучение, исходившее от более высокой итальянской культуры. Это способствовало синхронному развитию хорватской культуры с итальянской, хотя итальянский опыт и авторитет не могли не подавлять в какой-то мере более слабые творческие потенции хорватов. В XVII в. хорватская культура в этом регионе поднялась на новый уровень, обогащая своей оригинальностью и неповторимостью общеевропейский культурный фонд.

В других условиях развивалась и с иными задачами сталкивалась культура хорватов на севере. Главным обстоятельством было то, что эта часть народа не имела за плечами блестящего и жизнерадостного Возрождения.

В XVII в. в произведениях письменности, имевших общественное значение, использовались в Хорватии латинский, венгерский и родной языки, последний в разных вариантах.

В отличие от предыдущего столетия с его единичными кайкавскими сочинениями значительно вырос в Хорватии фонд кайкавской письменности, как в количественном отношении, так и по жанровому составу. Он включал многочисленные церковные и полуцерковные издания — обрядовые, проповеднические, морализаторские; духовную рукописную и печатную поэзию, представлявшую в основном перевод или переработку венгерских, латинских и немецких оригиналов; единичные светские стихотворения в пестрых по составу рукописных сборниках; научные сочинения и разного рода документы. На кайкавском диалекте имелись рукописные переводы европейской средневековой беллетристики. Создателями произведений кайкавской литературы в ее широком значении были в основном духовные лица (иезуиты, францисканцы и не принадлежавшие к орденам католические священники), но также отдельные аристократы, дворяне и горожане. Она и функционировала в соответствующих кругах³⁴.

В кайкавской среде была неоднозначная литературно-языковая ситуация. Одни авторы писали на родном диалекте. Другие образованные хорваты, не только представители католической церкви с ее интеграционными тенденциями, сознательно или несознательно, ощущая потребность выйти за узкие рамки кайкавской Хорватии, сделать свои сочинения понятными в соседних краях, но также из-за недостаточной развитости кайкавщины, дополняли родной диалект чакавскими и штокавскими языковыми элементами («озальский круг»). Распространенным приемом было «нанизывание» синонимов, родственных слов³⁵.

Частью литературно-языковой ситуации было появление в Хорватии лексикографических работ. Это стало ответом на потребность обра-

зованной части общества в познании родного языка и упорядочении его функционирования в литературе. Начало им положил Юрай Габделич (1609–1678). Он родился в дворянской семье в Турополе, посещал иезуитскую гимназию в Загребе. Габделич продолжил образование в Вене, затем в Граце, слушая в местном университете философию, наконец, в Трнаве, где изучал теологию. В дальнейшем он получил звание доктора философии. Габделич стал иезуитом, преподавал в гимназиях ордена в Риеке, Вараждине и Загребе, был ректором иезуитских коллегий в Вараждине и Загребе, занимал разные церковные должности. Он выступил одним из инициаторов основания в Загребе университета. Габделич пользовался большим уважением и влиянием у современников. В связи с его смертью все колокола в Загребе звонили два дня в знак траура³⁶.

Габделич издал хорватско-латинский словарь, в котором было собрано 12 000 кайкавских слов с латинским переводом (Грац, 1670). Эта книга употреблялась в Хорватии в качестве учебника в XVII–XVIII вв. Габделичу принадлежали также книги морально-поучительного содержания, написанные на кайкавском диалекте («Первый отца нашего Адама грех» — 1674 г. и др.). В них получили отражение многие стороны жизни хорватов.

Лексикографическую работу продолжил в Хорватии Белостенец, принадлежавший к литературному кругу Петара Зринского.

Иван Белостенец (1594? — Лепоглава, 1675) родился в кайкавской среде, вероятно, в Вараждине или его округе. Он получил образование в церковных заведениях в Вене и Риме. Белостенец, рано связавший свою жизнь с паулиническим орденом, был настоятелем его монастырей в Лепоглаве, Светици близ Озая и Св. Елены у Чаковаца. По делам церкви он неоднократно посещал Истрию и жил некоторое время там, бывал на адриатических островах и в Винодоле. Активный деятель церкви, Белостенец был знаком с жизнью населения разных хорватских краев.

На практике Белостенец мог убедиться, что кайкавский, штокавский и чакавский диалекты представляют один и тот же язык. В своих сочинениях — проповедях, изданных в Граце в 1672 г., и, главное, в латинско-хорватском и хорватско-латинском словаре он предпринял попытку соединить на кайкавской основе словарный состав этих диалектов путем использования синонимов. Для преодоления наиболее значительных фонетических различий между диалектами автор ввел особые графические знаки³⁷.

Большой словарь увидел свет лишь после смерти Белостенца в 1740 г. Его подготовили к печати члены паулинического ордена Й. Орлович и А. Му-жар³⁸. Словарь употреблялся в школах, оказал влияние на лексику кайкавской литературы и дальнейшие лексикографические труды.

Лингвистические работы были в русле развития научных знаний. Вместе с тем в них отражалось состояние общественной мысли у кай-

кавских хорватов — ощущение родственности кайкавского, штокавского и чакавского диалектов. И это в условиях не востребованности тогда в Хорватии далматинско-дубровницкой литературы. Схожие мысли проникли и в область исторических знаний.

В рассматриваемое время в Хорватии ее представлял прежде всего Юрай Ратткой (Ратткай, Раткай) (Велики Табор, 1612; Загреб, 1666). Его родиной было Хорватское загорье, колыбель кайкавщины. Он происходил из аристократической фамилии, вышедшей из Венгрии, находился в дальних родственных связях со Зринскими и Франкопанами. Ратткой получил образование в Граце и Вене. В 28 лет он стал загребским каноником, занимал разные церковные должности, в качестве хорватского делегата участвовал в работе Венгерского государственного собрания, работавшего в Прессбурге (хорватский Пожун, словацкая Братислава). Ратткой был талантливым оратором. Одно время он состоял в иезуитском ордене, но вскоре вышел из него. Незаурядная личность, он был участником военных действий против турок, а также сражений в Тридцатилетней войне, в которой были задействованы Габсбурги.

Ратткой выступил автором первого крупного систематизированного сочинения по хорватской истории. В 1652 г. в Вене вышла на латинском языке его шеститомная «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (второе издание — 1772 г.). В самом названии этого труда была заложена мысль о нерасторжимости в прошлом названных земель.

Хорватский автор придерживался позиции автохтонности славян в Юго-Восточной Европе. Он рассматривал близкую ему Крапину как родину легендарных братьев Чеха, Леха и Руса, положивших начало, согласно преданию, чешскому, польскому и русскому государствам. Труд был проникнут неприязнью к немцам и протестантизму. Историческую канву XVI–XVII вв. Ратткой восстановил на основе архивных документов, а также личных впечатлений о событиях, современником и участником которых он был. Это придало неповторимость и живость сочинению автора — воина и церковника.

«История» Ратткай вошла в историю исторической науки, помимо прочего, как первое печатное выражение славянской идеи в континентальной Хорватии с упором на нее как прародину славян. Этот вариант славянской идеи получил среди мыслителей в Хорватии большой резонанс.

Ратткаю принадлежал также перевод с латинского языка на кайкавский диалект с примесью штокавских и чакавских языковых элементов сочинения австрийского иезуита В.Г. Ламормена, исповедника Фердинанда II, «Добродетели Фердинанда II» (Вена, 1640). Это сочинение Ратткай способствовало развитию кайкавского литературного языка³⁹.

В XVII в. в Хорватии на фоне преимущественно религиозной литературы появились крупные светские писательские имена и значительные художественные сочинения. Писателями светского направления выступили Никола и Петар Зринские и Фран Крсто Франкопан.

Братья Зринские выросли в атмосфере итальянской культуры. Библиотека родного дома располагала множеством книг на латинском и итальянском языках. Среди них были и сочинения далматинских и дубровницких писателей. По завершении образования для расширения знаний молодые аристократы путешествовали по Италии. Они были захвачены итальянской литературой, архитектурой, изобразительным искусством. Поэтому неудивительно, что на их творчество наложила печать итальянская культура.

В 1657 г. Никола Зринский издал в Вене на венгерском языке эпическую поэму «Сирена Адрианского моря». В основу ее сюжета была положена история героической обороны крепости Сигет от турок. Создавая эпос, автор опирался на поэтическое сочинение Брне Карнарутича «Взятие города Сигета» (Венеция, 1584), венгерские хроники, народную песню. Карнарутич, патриций из Задара, предположительно участник венецианской борьбы против турок, переложил на родной язык стихотворным образом венгерскую хронику, составленную очевидцем битвы. В эпической поэме, посвященной графу Юраю Зринскому, сыну Николы Зринского Сигетского, прославлялись подвиги героя Сигета. Автору «Сирены» принадлежали также прозаические сочинения «Не трогай венгров», «Храбрый витязь».

Никола Зринский стремился вдохновить современников описанием героических действий предков на борьбу против турок. В одном из частных писем, отвечая, видимо, на упреки в выборе для поэмы венгерского языка, он подчеркивал свою принадлежность к хорватам⁴⁰.

В 1660 г. Петар Зринский перевел поэму брата на родной язык. Изданная в Венеции, она получила известность под названием «Падение Сигета». Он придал эпосу патристический хорватский характер и анти-немецкий мотив. Язык перевода представлял в основе чакавскую традицию, вобравшую в себя элементы штокавского и чакавского диалектов. В составе поэмы было несколько небольших лирических и религиозных песен. Хорватский вариант поэмы отразил приобщение светской литературы в северной Хорватии к барокко⁴¹.

Род Франкопанов происходил из Приморья. И Фран часто бывал в Италии. Он находился в родственных связях со Зринскими — его сестра Катарина была замужем за Петаром. Это была одна культурная среда.

Франкопан рано начал заниматься литературным творчеством. Подражая Вергилию и Овидию, он создал на латинском языке стихотворение «Элегия». За свой короткий век Фран написал на родном языке ряд

любовных и религиозных поэтических сочинений, в том числе в духе народной поэзии десятистопным стихом. Он первый в Хорватии начал переводить произведения современной ему западной художественной литературы. Франкопан сделал перевод комедии Мольера «Жорж Данден». Поэтическим творчеством на кайкавском диалекте занималась также его жена Ана Катарина Франкопан-Зринская. Ее перу принадлежали несколько религиозных стихотворений. Но сочинения Франкопана были открыты лишь во второй половине XIX в.⁴² Творчество писателя не оказало влияния на литературный процесс, но отразило направление его развития.

Оригинальным мыслителем, писателем-публицистом и историком был Юрай Крижанич (ок. 1618 — 1683). Это была во многом загадочная личность со сложной судьбой. По происхождению он принадлежал к мелкому дворянству. Его родина находилась в междуречье между Купой и Уной, в районе Бихача. По завершении иезуитской гимназии в Любляне молодой Крижанич прошел курс философии в Граце, затем изучал теологию в Болонье и Риме. Он владел шестью языками. В круг его интересов входили философия, богословие, история, экономика, эстетика, музыка.

В 1642 г. Крижанич вернулся в Хорватию доктором теологии. Он получил место священника в Неделишче, затем в Вараждине и сочетал церковную службу с литературным трудом. В 1646 г. Крижанич был направлен в распоряжение униатского епископа в Смоленск, который в то время входил в состав Польши. В следующем году хорватский священник в качестве члена польского посольства в первый раз посетил Москву. В поле его зрения были славянство (видимо, под влиянием польской литературы о славянской истории), Россия и уния⁴³.

В последующие годы Крижанич посетил в качестве секретаря венского посольства Стамбул, долгое время жил в Риме, занимаясь разнообразной культурной деятельностью. В 1658 г. он, вопреки запрещению папы римского, вторично отправился в Россию⁴⁴.

Крижанич прибыл в Москву в середине 1659 г. под именем «сербянина» Юрия Билиша, сына Иванова. Утаив свой духовный сан, он получил при дворе место государева служащего. Но в 1661 г. по неясным причинам, скорее всего из-за своего пристрастия к унии, Крижанич был отправлен в ссылку в Сибирь⁴⁵.

15 лет хорватский мыслитель провел в Тобольске, отдаленном, но крупном административном и торговом городе Сибири, посвятив себя литературному труду. Здесь он написал свои главные сочинения. Это были прежде всего лингвистические работы о славянской орфографии (1661) и грамматике «русского» языка (1666). Обуянный мечтой о культурном объединении славян, Крижанич разработал принципы реформирования орфографии, во многом предвосхитив реформу кириллицы, проведен-

ную в XIX в. применительно к сербскому языку выдающимся сербским ученым Вуком Караджичем, а также сформулировал нормы стандартного языка для всех славян. Автор назвал этот смешанный язык «русским», но в действительности он имел русскую и хорватскую речевую основу⁴⁶. Крижанич применил его в своем главном политическом труде «Разговоры о правлении», над которым работал с 1663 г. Он вошел в историю под названием «Политика».

Это было обширное собрание различных текстов. Крижанич наиболее полно выразил в «Политике» свои взгляды на Россию XVII в. В своем понимании политической ситуации в Русском государстве и направления необходимых, с его точки зрения, преобразований хорватский автор не вышел за рамки средневековых порядков. Он выступал за сословный строй, не замечая при этом крепостного права, за абсолютную монархию, правда, в сочетании с благими законами, видел в ней гарантию равновесия и мира в сословном государстве. Писатель, критикуя «чужебесие» (преклонение перед чужестранцами), был сторонником полной хозяйственной самостоятельности России. Он призывал к устраниению порядков, при которых немецкие торговцы занимали привилегированное положение на внутреннем и внешнем рынках России. В усилении ее государственной мощи Крижанич видел главный фактор будущности славянского мира. Хорватский мыслитель считал задачей московских государей помощь славянам в деле их освобождения от власти Турции и Австрии и достижения самостоятельности⁴⁷.

Излюбленной идеей Крижанича, которую он пронес через всю свою жизнь, была идея объединения разрозненных славянских народов в религиозном отношении и на основе единого литературного языка. До конца своих дней он сохранял убежденность в нераздельности католицизма и славянства. В трактатах на религиозную тему, написанных в том числе и в ссылке, он доказывал преимущества католицизма перед православием. Однако в зрелые годы хорватский мыслитель думал о примирении христианских религий в такой форме, чтобы не было подчинения одного другому⁴⁸.

С переменной на московском престоле Крижанич в 1676 г. был возвращен из ссылки, а через два года навсегда покинул Россию. Он оказался в Польше, где вступил в орден доминиканцев. Здесь была написана им «История Сибири». Писатель мечтал о Риме, но возвращение сюда ему было запрещено. Тогда Крижанич присоединился к войску польского короля Яна Собеского, направлявшемуся на помощь осажденной турками австрийской столице. В 1683 г. Крижанич погиб под Веной⁴⁹.

В течение двух веков имя хорватского мыслителя и писателя оставалось в забвении. Но в середине XIX в. русский славист П. А. Бессонов предпринял издание некоторых его сочинений, а затем и хорватский ис-

торик, писатель, общественно-политический деятель Ив. Кукулевич-Сакцинский напомнил соотечественникам о хорватском авторе. С тех пор жизнь и творчество Крижанича привлекали и привлекают внимание как русской, так и национальной науки⁵⁰. Это объясняется прежде всего непреходящей значимостью «славянской идеи». Творчество Крижанича по-разному воспринималось в научной среде, и его оценки имели амплитуду от панегириков до разоблачений. Но так или иначе хорватский автор по широте своих взглядов, актуальности поставленных им вопросов российской и славянской жизни, поискам их решения занял видное место в истории хорватской общественно-политической мысли.

Хорватская литература в Далмации, Дубровнике и Хорватии при всех местных особенностях имела единый вектор развития — барокко. Этот стиль, охвативший период с начала XVII в. до середины следующего столетия, характеризовался в литературе южных и северных краев хорватских земель общими чертами. В идейно-тематическом и жанровом отношении в хорватской литературе значительное место занимал прежде всего эпос с современным и историческим патриотическим содержанием. Этой литературе была свойственна также поэма, стихотворное лирико-эпическое сочинение, связанное с историческим событием или мифологией. Пользовалась популярностью религиозная поэма, особенно посвященная святым грешницам. Драматургия, в первую очередь мелодрама, также опиралась на хорватскую историю или мифологию. Барокко получило выражение и в лирической поэзии, и в прозе⁵¹.

Новым явлением литературного процесса были наметившиеся поиски преодоления плюрализма диалектов и выработки общего литературного языка хорватов (и вообще южных славян).

Изобразительное искусство в Хорватии носило преимущественно церковный характер. Церковь выступала главным заказчиком художественных произведений. Близость Австрии определяла их эталоны, как и исполнителей. Это были главным образом приехавшие мастера, в основном немцы и словенцы, хорошие профессионалы, работавшие в духе современной им австрийской барочной живописи.

Среди местных художников выделялся неординарный живописец Бернардо Бобич (умер между 1694–1699 гг.), живший в Капитуле. Его кисти принадлежали алтарные картины в иезуитской церкви Св. Катарины в Загребе, цикл алтарных образов, посвященных королю Ладиславу, в загребском кафедральном соборе. Его работы отразили бароккизацию хорватской церковной живописи. Для них была характерна диагональная композиция, игра света и тени на переднем плане, взволнованная тональность, подчеркнутая жестикация фигур и живая мимика лиц, экспрессивная цветовая гамма. Слабостью картин Бобича была неточность в анатомии и перспективе. Вместе с тем в живописи Бобича имелся реалистический компонент,

который проявлялся, в частности, в политическом подтексте. На картине, изображающей хорватских аристократов перед королем Ладиславом и королевой Еленой, персонажи облачены в одежды XVII в., хорват в поклоне королю держит в руках гербы Хорватии, Славонии и Далмации. Не трудно уловить в этом мысль о целостности и нерасторжимости хорватской территории. Бобич обращался также к светским портретам.

Музыкальная активность в Хорватии также проявлялась главным образом внутри католической церкви, орденов. Иезуитская гимназия в Загребе очень рано стала центром музыкального образования. В 1632 г. на освящение церкви Св. Катарины были приглашены из Целоваца семь музыкантов. Так было положено начало постоянному оркестру с певцами при этой церкви⁵². В церковной музыке обрядовые песни на латинском языке сочетались с хорватскими песнопениями. В середине XVII в. началось издание религиозных песенников и музыкальных сборников. Ставший особенно известным большой сборник «Cithara octochorda» («Восьмиструнная цитара». Вена, 1701) содержал латинские и кайкавские церковные песни, мелодии которых были записаны нотами. Наряду с традиционной обрядовой музыкой в нем чувствовалось дыхание народных напевов⁵³.

В Хорватии с ослаблением натиска турок и умиротворением на хорватско-боснийской границе развернулась большая строительная деятельность. Ввиду многовекового разрушения старых церквей и невозможности возведения новых из-за военной обстановки, а также частых пожаров средневековые здания нуждались в обновлении или перестройке, была потребность в новых церквях. В Хорватии обосновались католические ордена иезуитов, францисканцев, капуцинов, паулинов, кларисс. Все они обустроивались с помощью сабора, аристократии, дворян.

В рассматриваемое время епископы требовали восстановления старых и строительства новых церковных зданий в устоявшейся архитектурной стилистике. В 1642 г. был сконструирован новый свод в ризнице загребского кафедрального собора в типичных формах поздней готики. В 1676 г. был создан в готическом стиле свод церкви в Лепоглаве. Готическая интерпретация распятия получила свое продолжение через Возрождение и в барокко (тип «больного Христа»).

Вместе с тем в церковную архитектуру неумолимо проникали черты раннего барокко средневропейского типа. Этот процесс облегчался ввиду слабости и обветшалости позднеготической традиции. Распространению нового стиля способствовала деятельность иностранных мастеров, которые охотно привлекались к строительным работам, поскольку навыки художественных решений в архитектуре у местных строителей не отвечали новым потребностям и заказам. Среди пришлых мастеров были лица, которые довольствовались единичными заказами, но были и специалисты, которые задерживались в Хорватии на многие годы и да-

же заканчивали здесь свой жизненный путь. Они естественно входили в культурную среду этой земли.

Пространные каменные комплексы монастырей характеризовались простотой, они были закрытыми, с аркадами во внутреннем дворе (монастырь кларисс в Загребе) или с функциональным рядом окон на фасаде (иезуитский монастырь в Градце).

В 1620–1631 гг. иезуиты реставрировали в Загребе церковь Св. Катарини по типу распространенного в Европе церковного здания с одним продольным нефом и боковыми часовнями. Страшные городские пожары 1645 и 1674 гг. уничтожили все, что могло гореть в этой церкви и вокруг нее, но она всякий раз возрождалась под знаком крепнувшего барокко. По тому же типу были построены иезуитская церковь Св. Марии в Вараждине (1642–1646) и францисканские церкви в Загребе и Вараждине. В 1669 г. в последнем городе была сооружена нарядная церковь Св. Флориана, в 1691 г. — паулинская церковь в стиле барокко. Вараждин играл временами роль административно-политического центра Хорватии. В нем располагалось немецкое командование северной части Военной Границы. И он выделялся среди городов Хорватии по числу и архитектурной декоративности зданий в стиле барокко.

Иезуиты возводили и свои школьные строения с учетом новых веяний. Солидное для старого Градца здание конвикта было украшено с уличной стороны открытыми аркадами. Трехэтажный дом конвикта в Вараждине стал самой заметной постройкой раннего барокко в городе.

Барочные элементы появились на кафедральном соборе в Загребе. После пожара в 1624 г. каменотес К. Мюллер, воздвигая новый портал, исполнил его основную композицию по старому образцу, но скульптуры на нем выполнил в стиле барокко. Четверть века работал в Загребе немецкий мастер Иван Албертал (ок. 1630 — 1655), который воздвиг колокольню с характерными мотивами барокко и придал новый вид кафедральному собору. После пожара 1674 г. при очередном восстановлении собора на его колокольне были сооружены большие часы.

Повсеместно в Хорватии и вне городов строились скромные церкви с декоративными элементами барокко, в том числе деревянные на селе. В архитектуре церковных зданий напряжение занесенных ввысь остроконечных готических конструкций постепенно сменяли мягкие полукружия сводов или куполов.

Заметные изменения происходили в церковном интерьере. Кроме деревянной скульптуры — статуй святых, алтари и кафедры проповедников стали украшаться резьбой по дереву. В обновленной францисканской церкви в Вараждине находилась одна из самых красивых проповеднических кафедр в Хорватии (1670). Богато украшенная резьбой по дереву в сочетании с мрамором, она являла собой типичные стилевые

черты барокко. В 1696 г. в кафедральном загребском соборе была возведена большая мраморная проповедническая кафедра работы люблянского мастера М. Кусы. С этого времени и жертвенники стали создавать из мрамора. Нарядность церковному интерьеру придавали живопись и обстановка. Он становился частью целостной архитектурной концепции.

Светское строительство в Хорватии решало прежде всего задачи обороны. Возводились фортификационные сооружения. На Военной Границе в 1579 г. была заложена крепость Карловац, важный стратегический пункт на реке Купе, позднее основана Костайница. Во владениях аристократов вне городов возводились новые дворцы. Они представляли собой преимущественно закрытые композиции по типу «замков», иногда с угловыми башнями (Кралевица — «старый замок» Франкопанов). Прилив в Хорватию из соседних земель Австрийской монархии, из находившейся под властью Турции Славонии, с Балкан ремесленников и торговцев, некоторое обогащение горожан, переселение отдельных аристократов и дворян в города, особенно в Загреб и Вараждин, — все это способствовало оживлению жилого строительства в городах. Построенный в конце XVII в. в Градце дом Адама Зринского представлял собой просторное здание с рядом окон, но в архитектурном отношении был простым. Дома дворян и горожан, как правило, оставались скромными деревянными строениями. Но постепенно их заменяли каменные небольшие постройки с барочными чертами. Часто они формировали стройные композиции в центре городов (Загреб, Вараждин, Карловац, Крижевци и др.)⁵⁴.

В целом архитектура Хорватии XVII в. характеризовалась освоением барокко при живучести еще позднеготических форм. Она относилась к средневропейскому типу, но, за исключением отдельных сооружений, здания и в конструктивной основе, и в декоративных элементах являли собой провинциальную интерпретацию.

В Хорватии в XVI в. были заложены основы церковного и светского образования. В 1576 г. в Загребе была открыта семинария для подготовки католических священников. В Градце и Вараждине существовали светские школы. В каждой из них преподавал один учитель. Школы находились на попечении городских властей.

С приходом иезуитов церковная школа в Хорватии переживала подъем. В крупных городах они открыли хорошо организованные шестирядные гимназии: в Градце (1607), Риеке (1627), Вараждине (1636), Пожеге (1698). Иезуиты создали также конvikты — интернаты для малообеспеченных или проживавших далеко от городов учащихся. В Загребе такое заведение было основано в 1632 г., в Вараждине — в 1672 г. Конvikты существовали на разовые пожертвования и за счет фондов, основанных жертвователями. После ликвидации иезуитского ордена загребский конвикт был преобразован в Королевский дворянский конвикт⁵⁵.

Иезуиты проявили особый интерес к устройству гимназии в Загребе, поскольку этот город находился вблизи турецкой границы и из него было легче оказывать влияние на население, находившееся под властью Турции. Гимназия расположилась в бывшем полуразрушенном доминиканском монастыре. Здание и двор были очищены от развалин, мусора и приведены в порядок. Открытие учебного заведения было обставлено весьма торжественно. Оно было приурочено к заседанию хорватского сабора. В Градце собрался цвет хорватского общества — аристократы, дворяне, духовные лица, горожане. Под звон колокола от гимназии двинулось многолюдное шествие с пением гимна к церкви Св. Марка. Здесь состоялось богослужение, после которого была прочитана «латинская беседа» (проповедь). По ее завершении процессия с пением религиозных песен отправилась назад к школе. Торжества сопровождалась пушечными залпами и оружейной стрельбой. Центр города был окутан дымом. Это вызвало беспокойство окрестного населения, вообразившего, что на город напали турки⁵⁶.

Обучение в иезуитских учебных заведениях было бесплатным. Это обстоятельство, как и наличие в Загребе конвикта, способствовало привлечению в гимназию молодежи из разных краев проживания хорватов. Сам бан И. Драшкович записал в загребскую гимназию своего сына. За ним потянулись и дворяне. Уже вскоре после открытия в ней обучались до 100 дворянских детей и 200 учащихся из других сословий. В 1615 г. в гимназии насчитывалось 400 учеников⁵⁷.

Иезуиты отводили гимназии в Вараждине особую роль. На расположенной вблизи части Военной Границы было много влахов. Католическая церковь стремилась привести их к унии. Этому должна была способствовать местная гимназия, куда принимались и вlahи. Всего в вараждинской гимназии обучалось 200–300 учеников.

Учебный процесс в иезуитских гимназиях строился на основе типового документа «Ratio Studiorum» («Научная основа»). Преподавание велось на латинском языке. Круг предметов составляли латинский язык, греческий язык (впрочем, из-за сопротивления родителей только его основы), римские классики, история (с элементами географии), вероучение (катехизис). На VI, последнем году обучения вводилась риторика. Школьная программа предусматривала организацию конкурсов, академий*, выставок работ успевающих гимназистов. По составу учеников, образовательным дисциплинам гимназии носили светский характер.

В глухом краю Хорватского загорья Лепоглаве при паулином монастыре еще с XVI в. действовала небольшая гимназия. Хотя ее задачей была

* Это слово означало и общество лучших учеников, и вид школьного мероприятия (например, занятия с вопросами и ответами на заданную тему).

подготовка клириков, гимназию посещали и миряне — дети дворян и горожан из округа. В 1656 г. в этом заведении было введено преподавание философии. В 1662 г. и при гимназии в Градце было организовано трехлетнее изучение философии. На этом своего рода факультете в программу были включены логика, математика, физика (в философском смысле), метафизика с этикой. Уже в первом учебном году здесь было 50 учащихся⁵⁸. В обществе назрела потребность в развитии высшего образования.

Загребские иезуиты обратились к австрийскому монарху с просьбой утвердить новую «академию» в ранге университета с подобающими ему правами, привилегиями и свободами. В 1669 г. Леопольд I издал соответствующий диплом, который был утвержден и хорватским сабором. Однако генерал и старейшины иезуитского ордена воспрепятствовали созданию в Загребе университета. В течение столетия, до ликвидации в 1773 г. иезуитского ордена, число учащихся в гимназии и академии Градца регулярно составляло 500–700 человек, из них около трети были слушатели философии⁵⁹.

По завершении среднего образования молодые хорваты либо выбирали путь служения церкви, либо продолжали учебу в Австрии или за границей, прежде всего в учебных заведениях иезуитов. С 1608 г. действовала Хорватская коллегия в Граце, объединенная в 1624 г. с Хорватской коллегией в Вене. В немецко-венгерском заведении в Риме хорваты имели несколько стипендиатских мест.

В отличие от образовательной деятельности других католических орденов, которые занимались подготовкой молодежи для себя, иезуиты открывали школы в первую очередь для мирян. При этом они создавали библиотеки в городах, где действовали их гимназии. Иезуиты способствовали развитию светского образования в Хорватии, но подчиняли его интересам Контрреформации и укреплению власти Римской курии.

Со школой была тесно связана театральная культура в Хорватии. Большую активность проявляли в театральном деле иезуиты, которые включали представления в школьную программу как общеобразовательные и воспитательные мероприятия. Задачами школьного театра были расширение знаний учащихся, тренировка памяти, практика в латыни, овладение ораторским искусством, воспитание у молодежи благочестия. Помимо учебного процесса школьный театр, по замыслу иезуитской коллегии, должен был облегчать усвоение верующими идей Контрреформации.

В Загребе первое сценическое действие, исполненное гимназистами, состоялось в 1607 г. на площади у церкви Св. Марка. Это был своеобразный отчет об учебной работе. Учащиеся разыграли аллегорическое представление о Хорватии. Была исполнена, в частности, песня, в которой воспевались красоты и плодородие родной земли, обычаи и достоинства народа, его герои. Это невиданное зрелище привлекло массу горожан, заполнивших всю площадь. Так было положено начало школьному театру. В Вараждине он возник в 1637 г.

Школьные представления были публичными. В Градце они устраивались в помещении гимназии и под открытым небом, во дворе, на площадях у церквей Св. Марка и Св. Катарини. Сценические действия приурочивались к крупным событиям в жизни Загреба, приезду почетных лиц, церковным праздникам, школьным торжествам. Участниками школьного театра были прежде всего ученики, но также и учителя — постановщики спектаклей, привлекались и любители, которые исполняли женские роли. Языком представлений был латинский. Но в середине XVII в. на школьную сцену стал проникать и родной язык. В 1637 г. вараждинские гимназисты разыграли сценические картины на хорватском языке. Это стало событием в жизни города, собравшим уйму народа, в том числе дворян и крестьян из округа⁶⁰.

Репертуар школьного театра составляли спектакли на библейские темы, большей частью из Ветхого завета, разыгрывались сюжеты из агиографии, а также разного рода легенды (в частности, о Чехе и Лехе), ставились пьесы на материале истории, в том числе хорватской, моральные драмы, воплощавшие добродетели и пороки, исполнялись драматические панегирики в честь высокопоставленных лиц, легкие комедии (например, «Крестьянин, который учится хорошим манерам») и пр. Школьный театр был барочного типа, большая роль отводилась в нем сценическому реквизиту и костюмам. В XVII–XVIII вв. через загребскую школьную сцену прошло самое малое 700 различных пьес. Школьный театр оперировал главным образом положительными примерами, моральной программой, но вместе с тем, выходя за рамки иезуитской пропаганды, доносил до зрителя и патриотические идеи.

Загребские учащиеся давали представления также в Карловаце, куда они выезжали в 1646, 1647 и 1648 гг. Они исполняли сцены на латинском языке. Но в 1648 г. им были предпосланы «декламации» с разъяснением предстоящего действия на родном языке. Связанные с иезуитами школьные театры просуществовали до запрещения ордена в 1773 г.⁶¹

Школьный театр, включенный в учебный процесс, выполнял учебную, дидактическую и рекреативную (развлекательную) функции, прежде всего в рамках школы, но и шире — выходя в разнородную городскую среду. Этот театр имел ограниченную доступность для публики ввиду языкового барьера. Но главное, отношения школьного театра с общественной средой регулировались иезуитскими коллегиями, что лишало его как институции самостоятельности общественного организма. Тем не менее школьный театр выработал театральные навыки, подготовивший возникновение в новых условиях самостоятельного театра с широкой общественной программой.

Перемены коснулись и бытовой культуры хорватского «праздного класса». Его тяга к репрезентативному облику жилья, разнообразию быденной жизни породила заказы на художественные изделия в быту. Это привлекало

иностранных мастеров в Хорватию и стимулировало деятельность художественных мастерских в городах и церковных центрах. Аристократы украшали свои дворцы дорогими вещами. Во дворце Николы Зринского в Чаковце в Меджимурье имелись богатая библиотека, собрания оружия, старинных монет и картин. Граф имел склонность к собиранию коллекций. Из родового замка Зринских Озаль близ Карловаца после казни П. Зринского были вывезены оружие, украшенное золотом, серебром и драгоценными камнями, дорогие картины, множество рукописных и печатных книг и другие дорогие предметы. Все было конфисковано и разграблено.

Не чужды были хорватской аристократии музицирование и другие виды искусства. Катарина Зринская была поэтессой. Юрай Франкопан искусно играл на ряде музыкальных инструментов, рисовал и ваял. В инвентаре (1650) разрушенного замка Белц в Хорватском загорье были перечислены многие музыкальные инструменты, которые могли бы составить небольшой оркестр. О вкусах отдельных аристократов свидетельствует следующий факт из жизни рода Драшковичей. Около 1685 г. граничарский капитан граф П. Драшкович подарил обновленной паулинской церкви в Каменском алтарь Св. Креста. Картина «Распятие», входившая в его композицию, рассматривается специалистами как шедевр XVII в.⁶²

Хорватская культура развивалась в XVII в. под знаком освоения раннего барокко. В континентальной Хорватии этот процесс протекал под влиянием западноевропейского опыта, в Далмации и Дубровнике — при доминирующей роли Венеции в Адриатике. Стилиевые характеристики раннего барокко осваивались в Хорватии дворянством, церковью, горожанами и низами при разности идейного наполнения, охватывая практически все основные сферы культуры. На Адриатике, как и ранее, состояние культуры определялось жизнью городов-коммун. Раннее барокко существовало в Далмации и Дубровнике наряду со стилиевыми формами Возрождения, в Хорватии — готики.

Вектор развития хорватской культуры от Средневековья к Новому времени в Далмации и Хорватии был общим. Но проявлялся процесс неодинаково. В Далмации, по сравнению с Возрождением, наблюдался спад или замедление в ряде областей культурной деятельности. В Хорватии процесс культурного развития оживился. Культурная жизнь протекала в Далмации и Хорватии изолированно друг от друга. Но появилась тенденция к их сближению в литературном языке. Это позитивное явление имело особое значение как предвестник будущих перемен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. Zagreb, 1980. S. 777. Материалы энциклопедии использовались и в других разделах.

- ² Šidak J. Nikola Šubić Zrinski u svom vremenu // Šidak J. Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 67–69.
- ³ Enciklopedija. S. 777.
- ⁴ Šišić F. Posljednji Zrinski i Frankopani na braniku domovine // Posljedni Zrinski i Frankopani. Zagreb, 1908; Šidak J. Urota zrinsko-frankopanska kao historiografski problem // Šidak J. Kroz pet stoljeća... S. 148–167.
- ⁵ Enciklopedija. S. 294.
- ⁶ Šojat O. Pregled hrvatske kajkavske književnosti od polovine 16. do polovine 19. stoljeća i jezično-grafijska borba uoči i za vrijeme ilirizma // Hrvatski kajkavski pisci. I. Druga polovina 16. stoljeća. Zagreb, 1977. S. 21–22; *Idem*. Ivanuš Pergošić // *Ibid.* S. 75; *Idem*. Antun Vramec // *Ibid.* S. 103 ff.
- ⁷ Enciklopedija... S. 158.
- ⁸ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв. М., 1963. С. 46; *Он же*. Поэты Далмации эпохи Возрождения // Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1978. С. 58.
- ⁹ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 32, 110, 328.
- ¹⁰ Там же. С. 110.
- ¹¹ Šidak J. Hrvatsko društvo u Križanićevo doba // Šidak J. Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. S. 74–76.
- ¹² История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. 1. С. 763.
- ¹³ См.: Лещиловская И. И. Иллиризм. М., 1968. С. 55; *Она же*. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006. С. 135.
- ¹⁴ Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960. Т. 4. С. 10; Enciklopedija... hrvatske povijesti i kulture. S. 342.
- ¹⁵ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 70, 72.
- ¹⁶ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 112; *Он же*. Поэты Далмации... С. 61; История литератур... Т. 1. С. 717, 723, 724.
- ¹⁷ История литератур... Т. 1. С. 749–752.
- ¹⁸ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 80.
- ¹⁹ О творчестве И. Гундулича см.: Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 1974. Кнж. 3. С. 197 ff.; Зайцев В. К. Между Львом и Драконом. Минск, 1969.
- ²⁰ См. Гундулич Иван. Осман / Перевод В. К. Зайцева. Минск, 1969. Песнь VII. С. 117, 119, 121.
- ²¹ Там же. Песнь XX. С. 389.
- ²² Там же. Песнь XI. С. 194, 195.
- ²³ Зайцев В. К. Эпическая поэма Ивана Гундулича «Осман» // Гундулич Иван. Осман. С. 16.
- ²⁴ Гундулич Иван. Осман. Песнь VI. С. 109, 110.
- ²⁵ Там же. Песнь VIII. С. 145.
- ²⁶ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 124.
- ²⁷ Povijest hrvatske književnosti. S. 211 ff.
- ²⁸ *Ibid.* S. 223 и сл.
- ²⁹ *Ibid.* S. 283 и сл.
- ³⁰ *Ibid.* S. 226–227; Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 199, 201, 202.
- ³¹ Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 27.
- ³² *Ibid.* S. С. 29.

- 33 Ibid. S. 298; Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II. С. 1138.
- 34 См.: Hrvatski kajkavski pisci. Zagreb, 1977. Т. I–II.
- 35 Šojat O. Antun Vramec // Hrvatski kajkavski pisci. Т. I. S. 113–114; Šidak J. Hrvatsko društvo... S. 82, 83.
- 36 Šojat O. Juraj Habelić // Hrvatski kajkavski pisci. Т. II. 17. stoljeće. S. 42–44.
- 37 Šojat O. Ivan Belostenec // Hrvatski kajkavski pisci. Т. II. S. 250 ff.
- 38 Ibid. S. 258.
- 39 О Раткае см.: Šojat O. Juraj Ratkaj Velikotaborski (1612–1666) // Hrvatski kajkavski pisci. Т. I. S. 341–345. Идея целостности славян впервые была выражена в Хорватии в 1643 г. Протонотар Хорватского королевства Иван Замкарди украсил ящик для хранения важных документов латинскими стихами, в которых Хорватия прославлялась как колыбель «Чешской земли» и «Польского королевства». Šidak J. Hrvatsko društvo... S. 84.
- 40 Povijest hrvatske književnosti. S. 245.
- 41 Ibid. S. 245, 248.
- 42 Zrinski, Frankopan, Vitezović. Izabrana djela. Zagreb, 1976; Hrvatski kajkavski pisci. Т. II.
- 43 Šidak J. Juraj Križanić i značenje njegova djela // Šidak J. Kroz pet stoljeća... S. 126, 128.
- 44 Ibid. S. 129.
- 45 Обстоятельное освещение жизни и деятельности Ю. Крижанича, особенно его пребывания в России, см. в кн.: Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.
- 46 Šidak J. Juraj Križanić... S. 130.
- 47 Крижанич Юрий. Политика. М., 1997. С. 22, 174, 176, 230, 267 и др.; Šidak J. Juraj Križanić... S. 132.
- 48 См.: Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 г. М., 1901; Šidak J. U povodu 350-godišnjice rođenja Jurja Križanića // Historijski zbornik. 1968–1969. Zagreb, 1971. S. 694.
- 49 Šidak J. Juraj Križanić... S. 132.
- 50 См.: Šidak J. Problem Jurja Križanića u hrvatskoj i srpskoj literaturi // Šidak J. Kroz pet stoljeća... S. 87–133.
- 51 Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 26.
- 52 Vanino M. Isusovci i hrvatski narod. Zagreb, 1969. Т. I. S. 230.
- 53 Šojat O. Cithara octochorda // Hrvatski kajkavski pisci. 17. stoljeće. Zagreb, 1977. Т. II. S. 399 ff.
- 54 Varaždin. Zagreb, 1975; Karlovac. 1579–1979. Karlovac, 1979; Kampuš I., Karaman I. Tisućljetni Zagreb od davnih naselja do suvremenog velegrada. Zagreb, 1987.
- 55 Vanino M. Isusovci i hrvatski narod. Т. I. S. 230, 231.
- 56 Ibid. S. 88.
- 57 Ibid. S. 88, 107.
- 58 Ibid. S. 149, 189.
- 59 Kampuš I., Karaman I. Tisućljetni Zagreb... S. 97, 99.
- 60 Vanino M. Isusovci i hrvatski narod. Т. II. S. 425–426.
- 61 Ibid. Т. I. S. 89, 261–289; Enciklopedija... S. 28; Karlovac... S. 447.
- 62 Šaban L. Glazba u dvorovima Draškovića u 18. stoljeću // Kaj. Zagreb, 1972. Br. 11. S. 39; Cvitanović Đ. Rod Draškovića i umjetnost // Kaj. S. 40.